

ТИП КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

*Голубовская Ирина Александровна,**д-р филол. наук, проф.**Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко*

В статье делается попытка скоррелировать понятия типа культуры и этнической ментальности. На основе одного из культурных измерений "отношение к крайностям" с привлечением паремиологического материала демонстрируются возможности анализа ментальности как важнейшего этнического маркера.

Ключевые слова: тип культуры, этническая ментальность, паремии, концептуализация действительности.

Сразу же отметим, что речь в рамках данной статьи пойдёт не о диахронной типологии культуры в духе идей немецкого философа-экзистенциалиста Карла Ясперса, немецкого философа Освальда Шпенглера или английского историка и культуролога Арнольда Джозефа Тойнби. Напомним, что К. Ясперс (1883–1969) выдвинул теорию "осевого времени", "когда полностью формируется подлинный человек в его духовной открытости миру" [Ясперс 1991, 53]; осевое время длилось, по Ясперсу, 2200–2700 лет. Всего же он выделяет четыре периода/типа культур: доисторический, античный, осевого времени, научно-технический, обосновывая единство культурного становления человечества. О. Шпенглер (1880–1936), основоположник современной философии культуры, выдвинул концепцию циклического развития культуры, выделив 8 типов уникальных взаимонепроницаемых локальных культур: египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, греко-римскую, византийско-арабскую, западноевропейскую, культуру майя. Каждая из них, по О. Шпенглеру, существует около тысячи лет, после чего вырождается, превращаясь в цивилизацию. Шпенглер отвергал наличие общей для всех культур оси развития. А. Тойнби (1889–1975) был также сторонником локального подхода к культуре, хотя выделял уже 21 тип культуры в истории развития человечества.

Не будем мы останавливаться и на широко известной и признаваемой, единственно правильной в советское время марксистской типологической периодизации культуры в терминах смены общественно-исторических формаций (каждой формации с её экономическим базисом соответствовал свой тип культуры: первобытная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная и коммунистическая – несостоявшаяся). Мы попытаемся увязать понятие типа культуры с этнической ментальностью, с "коллективным бессознательным", показать их взаимовлияние, взаимодействие и взаимообусловленность, обратившись к языковому паремиологическому материалу четырёх языков. Мы отдаём себе отчёт в том, что наше понимание типа культуры отклоняется от общепринятых классификаций, ибо коррелирует прежде всего с понятием этнической ментальности как образа мира народа, предопределяющего его способ поведения и – шире – бытия. Тем не менее, как представляется, именно стержень ментальности выступает главным "интегратором этноса", тем духовным началом, который и детерминирует ход истории и специфику материальной и духовной культуры в рамках того или иного этноса. Обратимся же прежде всего к рассмотрению феномена ментальности как понятия, пребывающего на пересечении

осмыслений самых разных наук гуманитарного цикла: социологии, этнологии, психологии, истории, и, конечно же, современной антропологической лингвистики.

Не будет преувеличением констатация того факта, что термины "ментальность" и "менталитет" стали чуть ли не ключевыми словами опусов современных лингвистов, культурологов, этнологов, психологов, а также и "междисциплинарщиков". Тем не менее, "общеудобоваримых" дефиниций этих сложных понятий всё ещё не существует, несмотря на вал научной литературы, имеющийся по этим вопросам [Лурье 1997, История ментальностей 1996, Баронин 2000, Кон 1993, Головановская 1997, Коул, Скрибнер 1997]. Можно предположить, что термин ментальность унаследовал от своего предшественника "национального характера" шлейф отрицательных коннотаций, связанных с "аморфностью", "неопределённостью", "недостаточной научностью" последнего. В истории психологии "национальному характеру" соплагались такие термины, как "общие представления, составляющие душу народа" (В. Вундт), "типические коллективные переживания" (Г. Шпет), "етос" (А. Кребер), "базовая/модальная личность" (А. Гардинер), "совпадающие социальные представления" (Ф. Хсю) и т.д. По мнению этнопсихолога Т.Г. Стефаненко, все эти понятия сводимы к "ментальности", под которой она понимает *структуру ментального мира*, детерминируемую культурой и опытом исторического развития того или иного народа [Стефаненко 2004, 138]. Понятия же "национального характера", "базовой/модальной личности", по её мнению, "покидают страницы серьёзной научной литературы" в силу недооценки в их содержательном плане социально-исторической и культурной подоплёки формирования способов мышлений, чувств и действий тех или иных этносов. Тем не менее, ментальность, понятие, введённое представителями французской исторической школы Анналов (*mentalité*), пока ещё тоже не обрело необходимой терминологической точности. Рассмотрим несколько толкований сего феномена:

"Ментальность – не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль неотделима от эмоций, латентных привычек и приёмов сознания" (А. Я. Гуревич);

"... социально-психологические явления, отображающие духовный мир человека или социальной общности, эпохи или этнокультуры" (А.С. Баронин);

"Совокупность сознательных и бессознательных установок, сопряжённых с этнической традицией" (С.В. Лурье);

"... детерминированная культурой и опытом исторического развития структура ментального мира представителей того или иного народа" (Т.Г. Стефаненко);

"... система образов, которые ... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своём месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей" (Ж. Дюби);

"непрорефлектированное, эмоционально окрашенное мировидение, включающее в себя мировосприятие, мироосмысление и мирооценивание" (О.А. Корнилов);

"... свойство разума, характеризующее отдельного индивида, либо группу индивидов", "обобщение всех характеристик, определяющих психику", "способ мышления или характер размышлений" (Krech D., Crutchfield R., Ballachey E.).

Как видим, несмотря на различные подходы к определению этого понятия, в каждом из них наличествует осознание структурированности феномена ментальности.

ти, "элементности" его состава, что и создаёт предпосылки для его последующего членения. Так, в зарубежной психологии выделяют три структурных компонента ментальности: эмоциональный (эмотивный); когнитивный (вербальный), поведенческий (конативный) [Баронин 2000, 63]. Эмоциональный компонент представляет собой эмоциональные состояния и переживания, предшествующие когнитивным операциям и определённому поведению. Когнитивная составляющая ментальности состоит из вербальных и авербальных знаний о предметах и ситуациях реальной действительности, приобретённых субъектом познания в процессе накопления жизненного опыта. И, наконец, поведенческий компонент служит активатором первых двух составляющих ментальности в действиях и поступках человека, реализуя эмотивно-когнитивную часть (сложившиеся установки, ценности и приоритеты).

С.В. Лурье кладёт в основу структуризации ментальности извечную этическо-философскую дихотомию добро ↔ зло. С её точки зрения, центральная зона ментальности этноса формируется константными образами-представлениями об источнике добра, источнике зла, способах победы добра над злом. Источник добра, как правило, ассоциируется с "Мы – образом", "своими", в качестве коих может выступать сам этнос, государство, община, семья, покровитель группы и т.д. Источник зла сопряжён с образом "они", "чужих", в качестве которых выступает враг социальной группы (внешний или внутренний) [Лурье 1998]. Т.Г. Стефаненко, развивая оригинальную концепцию С.В. Лурье, добавляет к ряду этнических констант, выделенных последней, ещё одну – представление о вероятности, с которой добро побеждает зло, при этом: "... культуры, где данная вероятность оценивается как высокая, можно причислить к оптимистическим. А те, где данная вероятность предполагается незначительной, – к пессимистическим" [Стефаненко 2004, 142]. Вокруг этой ядерной зоны ментальности этноса располагаются в определённом иерархическом порядке ценностные идеологемы как элементы его ментальности: отношение к жизни и смерти, к природе, ко времени, к труду, к власти, отношение к женщине, к старшим, к богатству и бедности и т.д., которые в рамках различных культур обретают различное содержательное наполнение и значимость (степень важности) для членов той или иной лингвокультуры. По сути, тип культуры детерминируется тем, каким способом упорядочиваются в ранжированную ценностную шкалу эти единицы ментальности (идеологемы), что, в свою очередь, определяется их содержательно-аксиологическим наполнением. Доминантные черты этнического мировидения, запечатлённые в них, можно считать содержательным планом феномена этнической ментальности, который, как представляется, и формирует тот или иной тип культуры. Учёт доминант национальной ментальности в современной культурной антропологии является основой её типологизации в формате критерия "измерения культуры". Вот только некоторые из известных типологий: 1) культура аполлонического ↔ дионисийского типа (Ф. Ницше); 2) культуры вины и стыда (Р. Бенедикт); 3) культуры постфигуративные ↔ конфигуративные (М. Мид); 4) индивидуалистические ↔ коллективистские культуры (Г. Хофштеде); 5) культуры большой и малой дистанции власти (Г. Хофштеде); 6) культуры феминные ↔ маскулинные (Г. Хофштеде); 7) культуры высококонтекстные ↔ низкоконтекстные (Э. Холл). Этот список противопоставлений можно продолжить. Нашей задачей в рамках данной статьи является показать, что

языковые формы, а именно фразео-паремиологические единицы того или иного языка, выступают материальным носителем ментальности этноса, тем, по образному выражению О.А. Корнилова, "окошком", сквозь которое проступают образы неуловимого в силу идеальности своего существования явления этнической ментальности: "если ... мы обратимся к пословичному фонду языка, к его поговоркам и крылатым выражениям, то сможем увидеть образно сформулированную всю систему ценностей народа и перечень рекомендуемых моделей поведения практически в любых жизненных ситуациях" [Корнилов 2007, 56].

Возможность подобного подхода блистательно прозрел Э. Сепир, "этот хрестоматийный гигант научной мысли" [Кибрик 1993, 5] ещё в начале двадцатого столетия, когда в своей статье 1927 г. "Бессознательные стереотипы поведения в обществе" отмечал: "... язык представляет собой область, весьма удобную для изучения общей тенденции социокультурного поведения" [Сепир 1993, 600]. Однако он, противореча самому себе, размышлял далее о невозможности отыскать "строгие функциональные соответствия между конкретной языковой формой и культурой народа, употребляющего эту форму", о слабой связанности языковых форм с "социокультурными потребностями конкретного общества", видя в них прежде всего "продукты эстетической деятельности", которые тесно согласованы между собой [Op. cit]. Напомним, что Э. Сепир отдавал все приоритеты символической функции языка, считая коммуникативную функцию вторичной и выводимой из первой [Сепир 1993, 231].

В современной лингвокультурологии принято в качестве теоретического постулата положение о том, что субстанционально-идеальное пространство языка, будучи единым и непрерывным, моделирует специфические черты национального мировосприятия и национального склада мышления фактически на всех стратификационных уровнях языковой системы посредством дознаковых, знаковых и супразнаковых языковых величин [Голубовська 2004, 28]. Такой "ускользающий феномен", как национальная ментальность, имеет совершенно "вещественную" воплощённость в языковой субстанции, причём приоритетным уровнем его экспликации является лексико-фразеологический [Голубовская 2004, 73]. В самом деле, афористический корпус того или иного языка позволяет судить о национальной логике (логико-понятийная концептуализация действительности) и национальной мирооценке (эмоционально-оценочная концептуализация действительности в её морально-ценностной ипостаси), которые отражены в этой сфере функционирования естественного языка. В паремиях представлен не только универсальный пласт общечеловеческих этических и эстетических приоритетов, – они фиксируют национально обусловленные ценностные представления народа о мире и о своём в нём бытии. Всё это делает паремиологические единицы аксиологически значимыми языковыми величинами, исследование которых позволяет выявить иерархию ценностей носителей определённой лингвокультуры, а следовательно, и их ментальность. При этом будем помнить о том, что ментальность народа является неоднородным, гетерогенным явлением, как и сам социум – носитель "групповых убеждений", в рамках которого могут выделяться "субментальности": ментальность крестьян, дворян, буржуа, пролетариата, среднего класса, молодёжи, лиц старшего возраста. Очевидно, для изучения содержания ментальности в социально-стратификационном измерении недостаточно привлечения фольк-

лорного материала, – необходим широкий дискурсивный анализ и полевые социо-психолингвистические исследования, если речь идёт о ментальности современного нам общества. В рамках же настоящей статьи нас интересуют прежде всего этические оценные эталоны как проявление обобщённо-традиционной *народной морали* разноязычных этносов (*Proverbs are the wisdom of the streets* – "Пословицы – это мудрость улиц"), что и формирует субстрат народной ментальности, предопределяя тем самым тот или иной тип культуры.

Попытаемся же на основе анализа пословиц и поговорок четырёх языков – украинского, русского, английского и китайского приблизиться к пониманию типа культуры, носителем которого является создавший их этнос. При этом главным методическим инструментом анализа у нас будет выступать **ценностная идеологема (информема)**, которую определяем следующим образом: аксиологически маркированный инвариант содержания, под который подпадают многочисленные паремии определённого языка (как имеющие образность, так и лишённые её).

Обратимся к противопоставлению культур по признаку "впадение в крайности" ↔ "избегание крайностей", характерному для культур дионисийского и аполлонического типов. В культурах дионисийского типа положительно маркируется буйство, экстаз, стремление выйти за рамки обыденности, храбрость, манифестация сильных эмоций и т.д. Напротив, нормативной поведенческой установкой в контексте культур аполлонического типа является избегание крайностей, стремление к сбалансированности, компромисс как поведенческая установка, табу на сильные эмоции, в особенности их внешнее проявление, ритуал как средство гармонизации социального пространства.

Сопоставим такие наборы паремий, отобранные из афористического фонда четырёх языков по смысловым инвариантным признакам "позитивное /негативное отношение к крайностям", "принятие/неприятие сбалансированности (упорядоченности) как нормы жизни в социуме":

Англ.: *Anger and haste hinder good counsel, Anger begins with folly and ends with repentance, Anger is a short madness, Rage is without reason, Master your temper lest it masters you; Discretion is the better part of valour, The fire which warms us at a distance will burn us when near; All doors are open to courtesy; He is not fit to command others that cannot command himself; It is a great victory that comes without blood; A contented mind is a continual feast*.

Сформулируем ценностные идеологемы, отражающие психоповеденческие оценные эталоны индивида-англосакса, используя стилистику А. Вежбицкой: "быть сдержанным хорошо", контролировать свои эмоции хорошо", "быть рассудительным хорошо", "быть вежливым (т.е. по сути сдержанным) хорошо". Соответственно плохо быть нездержанным, безрассудным и невежливым.

Кит.: *ren pa chu ming zhu pa zhuang fei* – "Для свиньи опасно разжиреть, для человека – слишком прославиться"; *san gang wu chang* – "Три начала (починение подданного императору, подчинение сына отцу, подчинение жены мужу) и пять постоянных принципов (гуманность, справедливость, вежливость, разумность, верность"; *san shi liu ji, zou wei shang* – "Лучший из тридцати шести приёмов – отход"; *shi wu qiu bao ju wu qiu an* – "Во время еды не заботься о насыщении, в жизни не ищи выгоды"; *shui zhi qing ze wu yu, ren zhi cha ze wu tu* – "В слишком прозрачной

воде рыба не водится, у слишком требовательного человека друзей не бывает"; *wi ji bi fan* – "Достигнув крайности, вещь (явление) непременно превращается в свою противоположность".

Китайский языковой материал позволяет сделать предположение о существовании таких идеологем в китайской ментальности, как: "хорошо быть сдержанным, скромным и благоразумным во всех аспектах жизни", "следование срединным путём – залог счастливой участи".

Рус: *Либо полковник, либо покойник; Либо пан, либо пропал. Либо пан, либо пал; Либо полон двор, либо корень (с корнем) вон; Либо смерть, либо живот; Либо рыбку съест; либо на мель сест; Либо в стремя ногой, либо в пень головой; Запѐм, так избу запрѐм; а что в избе, в кабаке снесѐм; Пуститься во все нелѐжкие; Хватить во все хвосты. Кутнуть во всю ивановскую; Что было, то спустил; что будет, и на то угостил.*

Русский паремиологический материал засвидетельствовал наличие таких этосов (доминантных идей) в рамках русской культуры: "всѐ или ничего как позитивный принцип жизни", "крайности в любой сфере жизни являются нормой".

Укр. *Або груди в хрестах, або голова в кустах; Або пан, або пропал; Або жити, або гнити, Або гой, або йой; Або добути, або дома не бути.*

Как видим, украинские паремии уступают русским в количестве единиц, имеющих отношение к категоризации крайностей как позитивно маркированного поведенческого эталона. Как представляется, первые две поговорки являются кальками с русского языка, на что указывают языковые формы "*в кустах*", "*пропал*". Две другие безэквивалентны относительно русского языка, свидетельствуя об отсутствии "эсхатологических" настроений, присущих их русским аналогам, и отражая общую оптимистическую установку на обустройство жизни. Таким образом, засвидетельствованные для русской лингвокультуры идеологемы, выступая релевантными и для украинской ментальности, всё-таки характеризуются существенными отличиями, отражая "смягчѐнный вариант" принципа "всѐ или ничего".

Как видим, и на паремиологическом языковом материале реализуется так называемый "закон притяжения синонимов", который в своё время был сформулирован С. Ульманом для лексичных синонимов: "...существует тенденция обозначать людей или явления, играющие важную роль в рамках того или иного коллектива, большим количеством синонимов" [Ульман 1970, 266]. Экстраполируя эти положения на стратум афористических единиц, можно утверждать, что выбор определённого явления действительности как объекта паремиологической детерминации свидетельствует о его значимости для носителей этнического языка и культуры. Психологически и культурно значимые для этнической ментальности феномены подвергаются "стихийному" количественному маркированию на языковом уровне, что создаѐт своеобразный индекс содержания культуры, который указывает на относительную важность разных её аспектов, очерчивая доминантные черты этнической ментальности как фактора, в конечном итоге определяющего тип культуры. Очевидно, именно количественная маркированность определённой идеи языковыми формами должна играть определяющую роль при квалификации её в качестве ценностной идеологемы (информемы). Так, среди корпуса китайских паремий удалось об-

наружить пословицу – *Ning wei yu sui, bu wei wa quan* – *Лучше быть разбитым нефритом, чем целой черепицей*. На первый взгляд, её инвариантное содержание полностью согласуется с пафосом культур дионисийского типа (экстаз, крайности, сильные эмоции). Тем не менее, только обращение к данным глубинной этимологии фразеологизма, т.е. привлечение самого широкого культурно-философского контекста (метод фразеогерменевтики, предложенный московским профессором О.А. Корниловым [Корнилов 2007, 56]), может помочь пролить свет на истинный смысл запечатлённого на вербально-семантическом уровне. Как представляется, этот метод особенно эффективен для анализа фразеологизмов, функционирующих в так называемых высококонтекстных лингвокультурах, в которых велик элемент имплицитности высказывания, его недосказанности, где молчание выступает полноценным коммуникативным актом. К таким культурам относятся такие своеобразные культуры, как китайская, японская и многие другие восточные культуры.

История вышеприведённого высказывания такова: некто Юань Цзинхао сказал эту фразу своему двоюродному брату в связи с тем, что он изменил фамилию, дабы стать однофамильцем нового, а не свергнутого императора. Вероломный брат передал слова кузена новому императору, и гордый Юань Цзинхао был казнён. Благодаря предательству один из братьев ("целая черепица"), впоследствии сделал карьеру и жил безбедно [Корнилов 2005, 136]. Зная контекст возникновения данного выражения и владея знаниями в области китайской философии и культуры (даосская доктрина "вскармливания жизни" и конфуцианский принцип "сохранения тела в целостности" как средства продления жизни предков), можно констатировать, что инвариант смысла паремии амбивалентен и может трактоваться не столько как апологетика предательства, сколько как предостережение по поводу опасности отклонения от "срединного пути". Ведь, в соответствии с даосским учением, "могучему, крепкому древу недолго попасть под топор... Так, сильному и надменному – грядёт лишь смерть, а слабому и кроткому – уготована жизнь" [Лао Цзы 2003, 62].

Как представляется, для более глубоких научных обобщений лингвокультурологического характера необходима определённая формализация процедур, связанных с выборкой, количественным подсчётом и последующей классификацией паремий, отбираемых в соответствии с тем или иным инвариантом значения. Здесь на помощь исследователю могут прийти достижения корпусной, когнитивной и структурно-математической лингвистики. Тем не менее, первые шаги по отысканию ценностных идеологем в сравниваемых лингвокультурах можно проводить и опираясь на "старые и добрые" описательный и сопоставительный методы на фоне развёрнутого лингвокультурологического анализа.

У статті зроблено спробу співвіднести поняття типу культури та етнічної ментальності. На основі одного з культурних вимірів "ставлення до крайнощів" із залученням паремійного матеріалу демонструються можливості аналізу ментальності як найважливішого етнічного маркера.

Ключові слова: тип культури, етнічна ментальність, паремії, концептуалізація дійсності.

The article aims to correlate notions of the type of culture and ethnic mentality. One of the cultural dimensions (categorization of extremities) is looked upon through phraseological units in order to demonstrate the possible ways of ethnic mentality analysis.

Key words: type of culture, ethnic mentality, conceptualization of reality.

Литература:

1. Баронин А.С. Этническая психология /Анатолий Станиславович Баронин. – К., 2000.
2. Головановская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. – М., 1997.
3. Голубовська І.О. Етнічні особливості мовних картин світу / Голубовська Ірина Олександрівна. – К., 2004.
4. *История ментальностей, историческая антропология*. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996.
5. Кибрик А.Е. Э. Сепир и современное языкознание. – М., 1993. – С. 5 – 22.
6. Корнилов О.А. Жемчужины китайской фразеологии / Олег Александрович Корнилов. – М., 2005.
7. Корнилов О.А. Доминанты национальной ментальности в зеркале фразеологии // Вестник МГУ. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2. – С. 53–66.
8. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. – М., 1997.
9. Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. – М., 1971. – С. 122–158.
10. Кон И.С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // Социальная психология личности. – М., 1979. – С. 85 – 113.
11. *Культурология* / В.Д. Лихвар, Д.Е. Погорелый, Е.А. Подольская. – М., 2008.
12. Лао Цзы Дао Де Цзин. Два Вектора на Графике Первоедиства / Перев. с кит., предисл., илл. А.Ю. Гольштейн. – Орл.: "Инби", 2003.
13. Лурье С.В. Историческая этнология / Светлана Владимировна Лурье. – М., 1997.
14. Сапронов П.А. Культурология. Курс лекций по теории и истории культуры /Пётр Александрович Сапронов. – С-Пб., 1998.
15. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Эдвард Сепир. – М., 1993.
16. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Татьяна Гавриловна Стефаненко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.
17. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – М., 1970, Вып. V. – С. 250–259.
18. Шпенглер О. Закат Европы: т.1: Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М., 1998.
19. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.И. Левиной. 2-е изд., – М., 1994.
20. Krech D., Crutchfield R., Ballachey E. Individual in Society. – N.Y., 1962.